

В.А. Петрова

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.013

УДК 398.8(=512.211)

Формы и особенности исполнения эвенского эпоса нимкан

В данной статье проанализированы основные особенности исполнения эпоса эвенов. Работа опирается на изучение эпического наследия, личностей исполнителей песенного, песенно-прозаического и прозаического эпоса. Эпическое наследие любого народа, связанное с его языковым багажом и являющееся частью духовной культуры, требует многостороннего анализа с учетом значимости творческой личности. Изучение эпических материалов, а также свидетельств знатоков эпоса показывает, что в эпической традиции эвенов сосуществуют до настоящего времени песенно-прозаический и прозаический эпос, а ранее был и собственно песенный эпос, исполняемый полностью в песенной форме. Весь эпос эвенов назывался нимкан. Но для разграничения песенного, песенно-прозаического и прозаического эпоса эвены употребляют слово нимкан с дополнительными словами-определениями. Эпос, исполняемый песенно, называют икэ-нимкан (песня-нимкан); песенно-прозаический эпос – икэлкэн нимкан (нимкан с песней); собственно прозаический – нимкан, а короткие сказки – урумкун нимкан (короткий нимкан). Исполнение эпоса было приурочено к определенному месту и времени и привязано к годовому циклу – имело сезонность. Эвенский эпос нимкан обладал развитой специализацией исполнения. Эпос исполнял «профессиональный» сказитель при наличии помощника эдымги, исполняющего функцию защиты, призванного своими действиями ограждать исполнителя и слушателей от злых духов (аринкал). Наличие такого помощника было обусловлено тем, что, по поверьям эвенов, бодрствование злых духов начинается в темное время суток, т.е. именно в тот момент, когда идет активное исполнение эпоса.

Ключевые слова: эвенский эпос, нимкан, сказитель, эпическая традиция.

Эвены – один из малочисленных народов, ведущий издревле кочевой образ жизни на территории северо-восточной и восточной части Якутии, Охотского побережья Хабаровского края и Магаданской области, а также Чукотского и Камчатского полуостровов. Одно из первых упоминаний об эвенах-оленеводах встречается в документах С. Петрова, толмача – переводчика Первой русской экспедиции И. Москвитина 1639–1642 гг., которые были опубликованы в 1958 г. Н.Н. Степановым [Степанов, 1958; 1959].

Кочевые эвены были оленеводами и охотниками; рыболовство носило подсобный характер. Для оседлых эвенов Охотского побережья доминирующими занятиями были рыболовство, прибрежный зверобойный промысел и собирательство. В качестве официального названия эвенов употреблялся этноним *тунгусы*, являвшийся одновременно и этнонимом эвенков [Никонов, 1984, с. 60], *ламуты* – букв. *приморские жители*, т.е. жители Охотского побережья [Там же, с. 52]. Эвены северо-восточной части Охот-

ского побережья называют себя *орочел*, т.е. «оленные», «имеющие оленей» [Попова, 1981, с. 5]. Эвены Магаданской области именуют себя *мэнэл* – «сидячие», «живущие на одном месте» [Там же, с. 11]. Нижнеколымские эвены называют себя *илкар* – «настоящие люди» [Петров, 1991, с. 3]. У эвенов существует также внутреннее разделение на *наманканов* – «приморские», «жители побережья моря» и *донрытканов* – «таежно-глубинные», «жители глубин материка» [Попова, 1981, с. 6–7]. Самоназванием является этноним *эвен*, который произносится по-разному: *эвэн* – *эбэн* – *ывын* – *ыбын*. Из этих наименований возникло официальное название – *эвены*.

Эпос в духовной жизни любого народа занимает особое место, и, по утверждению А.Б. Кунанбаевой, на нем «держится вертикальная ось традиции – историческая память этноса, его историческое самосознание и живая передача нравственного назидания, т.е. духовный остов всей культуры» [Кунанбаева, 1988, с. 10–11]. Это утверждение в равной степени может быть отнесено и к эпосу эвенов.

Изучение эпических материалов, а также свидетельств знатоков эпоса показывает, что в эпической традиции эвенов сосуществуют до настоящего времени *песенно-прозаический* и *прозаический* эпосы, а ранее был и собственно *песенный* эпос, исполняемый полностью в песенной форме [Лебедева, 1981, с. 82]. Весь эпос (песенный, песенно-прозаический и прозаический) совокупно именовался *нимкан* [Новикова, 1958; 1966; Лебедева, 1981, с. 19]. Но для разграничения песенного, песенно-прозаического и прозаического эпоса эвены употребляют слово *нимкан* с дополнительными словами-определениями. Эпос, исполняемый песенно, эвены называют *икэ-нимкан* (в переводе с эвен. *песня-нимкан*); песенно-прозаический эпос называют *икэлкэн нимкан* (в переводе с эвен. *нимкан с песней*); собственно прозаический эпос называют *нимкан*, а короткие сказки – *урумкун нимкан* (в переводе с эвен. *короткий нимкан*). В некоторых районах проживания эвенов встречаются диалектные вариации данного термина: *н'имкан Ол, Алл, П, нимкан К-О, н'имкан К-О, М, Ск, Т, н'имкан Б* [ТМС, 1975, с. 594].

Соответственно и исполнители эпоса имеют свои наименования. Сказителя называют *ним-*

качамнга (или же в сокращенном виде *нимкамнга*) [ПМА, 2009; 2013]. Это слово, производное от слова *нимкан*, образовано присоединением суффикса *-мнга/-мнгэ* (суффикс образует существительные, обозначающие деятеля по основному роду занятий, профессии, например: *оралчимнга* ‘оленеvod’, *көһчимнгэ* ‘дневной пастух’, *өлимимнга* ‘охотник на белок’) или *нимкалан* (образовано присоединением суффикса *-лан/-лэн*, образующего существительное, обозначающее искусного деятеля по основному роду занятий, например: *олан* ‘мастер изготовления чего-либо», *икэлэн* ‘хорошо поющий»).

Эпос у эвенов исполнялся долгими зимними вечерами. Эвенский эпос запрещалось исполнять летом, когда наступали белые ночи (*нолтэн эрэлэдэккэн*), а вечерняя заря сходилась с утренней. По эвенскому народному календарю, с месяца «спускающаяся тыльная поверхность кисти» (*«эври унма»*) по месяц при счете по частям тела приходилась на кончик среднего пальца левой руки «макушка лета» (*«дюгани хэе»*) [Попова, 1981, с. 64]. У эвенов исполнение эпоса начиналось с наступлением темноты, с заходом солнца и продолжалось всю ночь до утра. Обычай исполнять сказания в специально отведенное для этого время характерен не только для тюркских и других сибирских народов, он является чрезвычайно распространенным, если не универсальным [Райхл, 2008, с.113].

Запрет исполнять эпос в определенное время у эвенов был вызван не только культурно-бытовыми причинами, но и магико-мистическими представлениями, распространявшимися на хозяйственную деятельность, например, это делалось во избежание падежа оленей в летнее время, когда особо требовалось соблюдение обязательного табу. Несоблюдение табу было чревато жизненно важными последствиями, т.к. олень играл первостепенную роль в кочевой жизни эвенов.

Если в стойбище был свой сказитель, то эпос исполнялся для членов всего стойбища, где жил сказитель, в присутствии родных и близких (*дял*), в том числе и соседей по стойбищу (*нимэкэл*). К нему же присоединялись и начинающие исполнители эпоса. Тогда за одну ночь можно было услышать два или три сюжета от разных исполнителей. Исполняли эпос в основном из своего репертуара или же из ре-

пертуара сказителей своего рода. Эпический репертуар одного рода отличался от эпического репертуара другого рода.

Обычно эпос исполнялся в закрытом помещении в чуме (*чорама дю*). Особым местом в жилище эвенов является *мал* – место в жилище против входа за очагом, почетное; *малгида* – пространство между малу и входом [ТМС, 1975, с. 525]. По представлениям эвенов Аллаиховского улуса Республики Саха (Якутия), на месте напротив входа (*мал*) обитает дух-хозяин огня.

Сказителя, как правило, специально приглашали, чтобы послушать эпос из репертуара другого рода, что способствовало распространению разных вариантов сюжета эпоса среди членов своего рода и других родов внутри этноса. Приезд сказителя в стойбище был особым событием. За сказителем специально ездили, привозили его на оленях туда, где он должен был исполнять эпос. Сказитель останавливался в том чуме, где жил хозяин, пригласивший и привезший исполнителя. Встречали его по-особому, так как приглашенный сказитель пользовался уважением и играл важную роль в духовной жизни общества. Прибывший сказитель проходил по часовой стрелке и занимал в чуме место для гостей. Сказитель находился в стойбище несколько дней. Для него отводилось лучшее место в чуме с левой или с правой стороны от центральной жерди (*халкамча*) в мужской половине чума. Для него стелили постель. Он мог кочевать вместе с членами стойбища, каждый вечер исполняя эпос. По желанию сказителя, после окончания исполнения эпоса его увозили обратно в стойбище, где он жил и кочевал.

Ездить по приглашению для исполнения эпоса было привилегией только мужчин-сказителей, которые имели большое количество сюжетов в репертуаре и отличались высоким мастерством исполнения эпоса. Женщины исполняли эпос только у себя в стойбище. Но это было обусловлено чисто бытовыми причинами и не связано с каким-либо специальным запретом для женщин. Женское исполнительство, как и в целом женская культура, судя по нашим материалам и данным предшествующих исследователей, было очень развито. Об этом писала Ж.К. Лебедева: «Фольклорные данные позволяют предположить, что в историческом прошлом у северных этносов Сибири была развита

женская культура, с женским архаическим эпосом и другими специфическими элементами духовной культуры (женские “сообщества”, специальные женские ритуальные места, женское шаманство, женский “язык” пола» [Лебедева, 1994, с. 49].

При исполнении эпоса сказители соблюдали определенный порядок, фактически это был своего рода ритуал. В стойбище, куда приглашался сказитель, в чуме собирались слушатели (*долчимгал*). Во время исполнения эпоса сказитель сидел на сидении из шкуры оленя на почетном месте (*малу*), подогнув обе ноги под себя (*бодэли хэвдэтникэн*). Во время исполнения эпоса приглашенным сказителем слушатели устраивались в чуме традиционно вокруг очага вдоль стены чума по кругу. Аудитория была без возрастных ограничений. Слушателями песенного, песенно-прозаического и прозаического эпоса было преимущественно взрослое население – мужчины и женщины; молодые и пожилые люди. Дети тоже допускались (с этого момента постепенно проявлялся интерес у ребенка к эпосу и в целом к эпическому искусству). Дети обычно сидели рядом со своими родителями. В это время постоянно горел огонь в очаге (*тог*). Сказитель начинал исполнять эпос вечером после захода солнца и рассказывал до утра. Следует отметить, что эпос эвенов обязательно исполнялся от начала до конца за одну ночь. Был даже запрет на прерывание исполнения эпоса и перенос на следующую ночь. Так как недорассказанный сюжет как бы оставлял героев на полпути, они оказывались в чужом мире и существовали в нем, не имея возможности вернуться в свой. Не только у эвенов, но и у других народов был запрет на прерывание повествования, что было чревато серьезными последствиями [Харитоновна, 1999, с. 288–298].

Так как законным временем исполнения эпоса считалась ночь, некоторые дети слушали эпос сквозь сон, а некоторые во время исполнения эпоса засыпали. Но каждый слушатель обязан был дослушать сказителя до конца. А те, кто засыпал во время исполнения эпоса, на следующий день подходили к сказителю и просили повторно исполнить эпос. Сказитель соглашался и в установленное время после ужина – с заходом солнца – занимал свое место (*малу*) за очагом и исполнял тот же нимкан повторно. Слушатели –

мужчины и женщины, молодые люди и дети – также занимали в чуме свои места.

Особое место во время исполнения эпоса занимало еще одно активно действующее лицо – *эдымга*, призванный своими действиями ограждать исполнителя и слушателей от недоброго воздействия злых духов, так как, по поверьям эвенов, бодрствование злых духов (*арингал*) наступает в темное время суток, т.е. ночью, именно в тот момент, когда идет активное исполнение эпоса.

Весь процесс исполнения эпоса у эвенов был строго ритуализован. Ритуализованный характер имели и действия самого сказителя, предварявшие начало исполнения. Обычно эвенский сказитель перед исполнением эпоса некоторое время сидел с закрытыми глазами и готовил себя к творческому акту исполнения. В это время слушатели затихали, и в чуме наступала тишина.

Исполнение эпоса эвенами приурочивалось к общественным событиям. Ж.К. Лебедева отмечает, что во время народных сборищ проходили внутриродовые и межродовые состязания сказителей [Лебедева, 1981, с. 82]. Во время весеннего оленеводческого праздника, посвященного рождению первого олененка (март-апрель), который длился несколько дней и ночей, в установленном месте собирались эвены со всех стойбищ. Во время народных праздников проходили состязания сказителей. Каждый сказитель представлял собственный эпический репертуар или же эпический репертуар своего рода и мог продемонстрировать сказительское мастерство перед сородичами из других стойбищ. В этот момент определялись наиболее талантливые сказители из различных родов.

Мой информатор И.С. Каркопский был свидетелем состязаний по сказительскому мастерству среди эвенов-сказителей: «Во время этих состязаний сказители собирались в чуме и поочередно исполняли эпос. Лучшего сказителя определяла аудитория слушателей». Наиболее талантливых сказителей отмечали и одаривали всевозможными подарками. Например, во время праздника самый лучший сказитель магаданских эвенов получал в подарок олененка, который родился первым. И с этого момента постепенно прекращалось исполнение эпоса. В летний период, как было сказано выше, был запрет на исполнение эпоса [ПМА, 2009].

Сказители у некоторых народов сидели в специальной позе. А. Лаврилье и Д. Матич в своей работе отмечают, что эвенский сказитель М.М. Осенин во время исполнения нимканов сидел, сложив руки на колени [Лаврилье, Матич, 2013].

Ж.К. Лебедева в своей работе «Архаический эпос эвенов», опубликованной в 1981 г., отмечает, что процесс исполнения включает две части: момент, предшествующий исполнению, и само исполнение. В первой части слушатели ведут беседу со сказителем, совместно вспоминают интересные в сюжетном и исполнительском отношении нимканы. Сказитель с большим вниманием слушает собравшихся, которые воодушевляют его [Лебедева, 1981, с. 84]. Первым делом сказитель обращался к аудитории со словами: «Что мне рассказать?» Таким образом, он готовил себя и слушателей к исполнению эпоса. Очевидно, обращение сказителя к аудитории перед исполнением эпоса имело большое значение в подготовке его к исполнению эпоса, а слушателей – к прослушиванию эпоса, благодаря такому приему возникали особая атмосфера взаимопонимания между сказителем и слушателями. Только после этого, по желанию слушателей или по выбору самого сказителя, начиналось исполнение эпоса.

Само исполнение эпоса начиналось после произнесения специального слова-приглашения к исполнителю. Ж.К. Лебедева отмечает, что «возгласы “Гэлэ!” (“Начинай!”), дружеская теплая атмосфера, устанавливающаяся между певцом и слушателями, располагают его к исполнению нимканов» [Там же]. Вот как она описывает один из наблюдавшихся ею эпизодов: «В начале А.М. Громов исполнил наиболее понравившиеся и, видимо, уже не раз слышанные собравшимися два фрагмента из эпического нимкана. Особое внимание привлек второй отрывок – песня женщины. Песня женщины поется лирично, голос сказителя передает ее кокетство, игривость, мелодия песни ритмичная, легкая. Вторую песню А.М. Громов исполнил по собственному желанию, посвятив ее всем собравшимся. Это была импровизация. В песне он выразил теплые чувства к своим слушателям: “Если большое товарищеское чувство объединило всех собравшихся, то в дальнейшем будем жить всегда дружно, и встречи друг с другом бу-

дуг приносить большую радость», – таков ее основной мотив. Эти два исполнения можно расценивать как подготовку к основному исполнению, как своего рода настрой сказителя. Во второй части вечера сказитель исполнял отдельные фрагменты из эпических нимканов: 1) *чивкачан икэн* – песня пташки, птички; 2) *аринка икэн* – песня черта, сатаны. В исполнительском плане песни положительных и отрицательных персонажей были различны. Во время исполнения песни отрицательного персонажа голос сказителя передавал недоброжелательное отношение к герою. Его песня пелась грубым голосом. Песня положительного персонажа исполнялась приятным веселым голосом» [Там же, с. 83–85].

Певцы-импровизаторы показывали свое мастерство во время народных праздников [Там же, с. 78]. В работе Ж.К. Лебедевой содержится описание бытования песенной импровизации, которая проводилась в 1955 г. на публичных состязаниях во время летних традиционных праздников. Вот как описывает увиденное А.К. Дьячков: «На ярмарке один раз мне пришлось видеть состязания певцов. Это было в оленеводческом стаде около села Вьеш, куда меня возил с собой отец. Состязание проходило так. Вышли три певца, каждый начал свою песню. В песне воспевался какой-то предмет, олень, затем состязующиеся начали критиковать друг друга. Победителем стал тот, кого слушатели и зрители одобрили возгласами, хвалой. Потом против победителя вышел следующий певец и состязание продолжалось. Окончательно победил тот, кто победил большее число певцов. Эти состязания продолжались два-три дня» [Там же]. Ж.К. Лебедева указывает, что «А.К. Дьячков, описывая виденное им в середине 40-х гг. состязание песенников-импровизаторов, отмечает, что и среди эвенских сказителей в прошлом были широко распространены состязания. Так, талантливый сказитель Ф.И. Березкин, чье исполнение слышал А.К. Дьячков, когда-то был участником таких состязаний» [Там же]. Такие «состязания» у эвенов, где царило своеобразное соперничество между исполнителями, являлись одним из мощных факторов непрерывного существования эпической традиции.

Активными исполнителями нимкана были не только мужчины, но и женщины. Но их исполнительская практика была иной. Например,

за работой, во время шитья, женщины не только исполняли песни, но и сказывали сказки [Павлова, 2001, с. 53]. В этот момент основу аудитории составляли главным образом сами женщины и дети. Ж.К. Лебедева отметила, что «короткие сказки» (собственно сказки. – В.П.) исполнялись женщинами. Эти сказки в соревнования не включались и рассказывались детям [Лебедева, 1981, с. 85–88].

Будущие сказители вовлекались в эпическую среду с раннего детства, ибо только таким способом можно было передать последующим поколениям песенный и песенно-прозаический эпос. Процесс обучения в эвенской сказительской традиции основывался на принципе прослушивания, подражания и повторения текстов сказителя-наставника. Такой способ был единственной традиционной формой обучения и прозаическому эпосу. Как только ребенок начал хорошо говорить, он пытался рассказывать короткие нимканы. Таким образом, дети вовлекались в эпическую среду естественным путем, уже с 6–7 лет они в игровой форме рассказывали короткие сюжеты для своего окружения [ПМА, 2011].

Итак, исполнение эпоса было приурочено к определенному месту и времени и привязано к годовому циклу – имело сезонность. Эвенский эпос *нимкан* обладал развитой специализацией исполнения. Эпос исполнял «профессиональный» сказитель при наличии помощника *эдымги*, выполняющего функцию защиты, призванного своими действиями ограждать исполнителя и слушателей от злых духов (*арингал*). Наличие такого помощника было обусловлено тем, что, по поверьям эвенов, бодрствование злых духов начинается в темное время суток, т.е. именно в тот момент, когда идет активное исполнение эпоса. В настоящее время эпос во взрослой аудитории исполняется редко. Отмечается естественное угасание данной эпической традиции в соответствии с новыми жизненными условиями и трансформациями культуры в целом. Запись эпоса в живом естественном исполнении сейчас маловероятна в силу нескольких причин. Уже ушли из жизни профессионалы, которые прошли школу эпического сказительства в традиционной обстановке, где передача эпоса осуществлялась через прямое обучение. Нынешние представители старшего поколения,

среди которых встречаются хорошие знатоки эпического фольклора, потеряли аудиторию и саму эпическую среду вместе с традиционной обстановкой, благодаря чему существовала эпическая традиция. В итоге произошел разрыв в передаче эпического знания от старшего поколения к младшему и почти завершилось угасание эпической традиции в целом.

Литература и источники

Кунанбаева А.Б. Музыкальный эпос кочевых народов: история и стиль // Проблемы изучения музыки эпоса: тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. (19–23 апр. 1988 г.). – Клайпеда: [б.и.], 1988. – С. 10–11.

Лаврилье А., Матич Д. Electronic edition: www.siberian-studies.org/publications/PDF/lcevnim.pdf. – 2013.

Лебедева Ж.К. Архаический эпос эвенов. – Новосибирск: Наука, 1981. – 158 с.

Лебедева Ж.К. Устный эпос: проблемы истории, теории и сказительства // Материалы Третьей международной конференции памяти Альберта Бейтса Лорда. – Якутск, 1994. – 49 с.

Никонов В.А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. – М., 1984. – С. 44–69.

Новикова К.А. Эвенский фольклор. – Магадан: Изд-во Магадан, 1958. – 120 с.

Новикова К.А. Обзор материалов по эвенскому фольклору // Язык и фольклор Сибирского Севера. – М.; Л., 1966. – 203 с.

Павлова Т.В. Обрядовый фольклор эвенов Якутии (музыкально-этнографический аспект). – СПб., 2001. – 263 с.

Петров А.А. Лексика духовной культуры эвенов (народное искусство и обряды). – Л.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1991. – 80 с.

ПМА – Полевые материалы автора, 2009, 2011, 2013 гг.

Попова У.Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917–1977 гг. – М., 1981. – 297 с.

Райхл К. Тюркский эпос. – М.: Вост. лит., 2008. – 383 с.

Степанов Н.Н. Русские экспедиции на Охотском побережье. – Л.: Изд. ВГО, 1958. – Т. 90, вып. 5. – С. 439–452.

Степанов Н.Н. Русские экспедиции на Охотском побережье в XVII веке и их материалы о тунгусских племенах // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1959. – Т. 188. – С. 179–254.

ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Материалы к этимологическому словарю. Т. I (А – Н). – Л., 1975. – 672 с.

Харитонов В.И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможных современных исследований. – М.: ИЭА РАН, 1999. – 602 с. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 3, ч. 1–2).

V.A. Petrova

Traditional performance of Even's epos Nimkan

This article analyzes the main features of the execution of the Even epos. The work is based on the study of the epic heritage, the personalities of the performers of the song, song-prose and prose epos. The epic heritage of any nation, associated with its linguistic knowledge and being part of a spiritual culture, requires multilateral analysis, taking into account the significance of the creative person. A study of epic materials, as well as the testimonies of experts on the epos, shows that in the epic tradition of the Evens, a song-prose and a prosaic epos coexist to this day, and earlier there was a song epos proper, performed entirely in song form. The entire Evens epos was called Nimkan. But to differentiate the song, song-prosaic and prosaic epos, the Evens use the word nimkan with additional definition words. The epos, performed by a song, is called ike-nimkan (song-nimkan); song-prose epos - ikelken nimkan (nimkan with a song); the actual prose is Nimkan, and short tales are Urumkun Nimkan (short Nimkan). The performance of the epos was timed to a specific place and time and was tied to the annual cycle, it had seasonality. The Even epos Nimkan possessed a developed specialization of performance. The epos was performed by a “professional” storyteller with the help of an assistant edimni performing a defense function, called upon to protect the performer and listeners from evil spirits (arinkal) by his actions. The presence of such an assistant was due to the fact that, according to the Evens, the wakefulness of evil spirits begins in the dark, i.e. precisely at the moment when the active fulfillment of the epic is underway.

Keywords: Even Epos, Nimkan, storyteller, epic tradition.